

Когда советник Лю наклонился, чтобы что-то выведать, он отступил на два шага назад и случайно оказался вне поля зрения советника. Во-первых, если мертвец вдруг предстанет перед знающим его человеком, это не к добру, а во-вторых... при виде советника Лю его гнев начал подниматься с такой силой, что его невозможно было унять.

Стоило вспомнить, какие муки претерпели его родители при жизни, как он невольно стиснул зубы.

Пока он стоял в тени у стены, сдерживая ярость, Лю Чунь, занятый разбором бумажных слитков, лишь с опозданием заметил на полу бумажные талисманы.

Внимание дурачка всегда было легко отвлечь. Он немного поглазел на желтые листы, затем бросил свои бумажные слитки и, неуклюже переставив ноги, присел перед талисманами.

Если маленький ребенок увидит что-то диковинное, он, не задумываясь, чистое оно или грязное, безопасное или опасное, непременно потянется потрогать. Лю Чунь остался на уровне несмышленного младенца. Попялившись на три медных гвоздя, он не удержался и коснулся острия пальцем.

Острые концы медных гвоздей, устремленные вверх, были по-прежнему невероятно остры — словно их только что заточили. Они с легкостью рассекали волос, не говоря уже о тонкой коже Лю Чуня.

В итоге, дурачок залил руку кровью.

— Эй, не трогай! — Цзян Шинин спохватился, чтобы остановить его, но было уже поздно.

Капли крови стекли по гвоздю и впитались в желтую бумагу.

Лю Чунь, окликнутый им, замер и озадаченно поднял голову.

На мгновение Цзян Шинину показалось, что во всем старом доме воцарилась пугающая тишина: даже ледяной ветер, хлеставший снаружи по стенам, внезапно утих.

Душа, скитающаяся в мире живых, должно быть, чувствует такие вещи острее, чем обычный человек: он ощутил, что вокруг не осталось даже крупинки жизни — тишина была почти зловещей.

Стоявший у входа Сюань Минь, обменивавшийся взглядами с советником Лю, внезапно нахмурился и посмотрел вверх.

Ветер замер, облака застыли, всё вокруг погрузилось в безмолвие.

Весь особняк семьи Лю внезапно стал абсолютно тихим...

Впрочем, странная тишина продлилась недолго. Всего через пару мгновений ветер вновь поднялся, но теперь он завывал иначе — протяжно и жалобно, с примесью какой-то необъяснимой тоски.

С каждым порывом вой становился все громче; казалось, будто со всех сторон разом зарыдали призраки, отчего по спине пробежал холодок.

И посреди этого воя внезапно раздалось отчетливое гудение.

Звук напоминал затихающий звон ударившегося металла, но с едва уловимым отличием.

Сюэ Сянь, безвольно повисший на пальцах Сюань Миня, мгновенно напрягся. Другие могли не различить этого чистого звука, но он расслышал его отчетливо.

Потому что этот звук был до боли похож на голос того, что он искал.

На северо-востоке!

Сюэ Сянь с трудом приподнял лицо, вглядываясь в ту сторону.

Разве этот лысый только что не спрашивал, кто живет в северо-восточной комнате?

Пока Сюэ Сянь размышлял, странный гул слился с завываниями ветра и внезапно усилился. В это мгновение всем присутствующим показалось, будто кто-то нанес им мощный удар тяжелым предметом по затылку: в ушах зазвенело, в глазах потемнело, и сознание на миг провалилось в пустоту.

Когда гул стих, а черная пелена перед глазами медленно рассеялась, Сюэ Сянь осознал, что дело плохо.

Он лежал на полу из плит голубого камня, и стоило ему пошевелиться, как он тут же ощутил под собой влажный слой зеленого мха. Стало ясно: он упал, а лысый, который до этого держал его в руках, исчез.

И не только лысый — оглядевшись, он понял, что и советник Лю тоже куда-то пропал. Дом за его спиной остался на месте, но это здание с изящной резьбой по дереву на перекладине над дверью явно не было тем местом, где жил дурачок Лю Чунь, поэтому ожидать встречи с Цзян Шинином и остальными не приходилось.

На самом деле здесь царила мертвая тишина, не слышно было ни звука. Словно огромный, пустующий особняк, где за глубокими воротами таилось лишь безмолвие.

— Что это за проклятое место? — пробормотал Сюэ Сянь.

Его нынешнее положение вызывало уныние. Окажись на его месте другой человек, он мог бы походить по округе, чтобы выяснить, что происходит. Но Сюэ Сянь не мог: будучи наполовину парализованным, он был лишен такой возможности.

Сюэ Сянь, похожий на лист бумаги, просто распластался на земле, проветривая свои складки. Опершись руками о пол, он с небрежным видом принялся осматривать окрестности.

Помимо дома за спиной, слева от него тянулись по стене старые лианы и росло дерево, ветви которого перевешивались через забор. Справа виднелись галерея и стена двора, а через узкую калитку можно было смутно разглядеть внутренний садик особняка.

Даже по этому кусочку было ясно, что особняк ухожен, но если в самом изысканном доме не видно ни души, становится не по себе.

К счастью, Сюэ Сянь был тем, кто в свое время перевернул небо, поэтому даже самая жуткая обстановка его не пугала — нужно было лишь соблюдать осторожность.

— Впереди юг, позади север... — Сюэ Сянь осматривался не просто так: по росту мха на камнях, направлению побегов лиан и ориентации здания он определил свое местоположение.

Если он не ошибается, он находится в северо-восточном углу особняка.

Северо-восточный угол...

Сюэ Сянь издал шипящий звук: — Где-то я уже это слышал...

Если он все еще в особняке советника Лю, то в этом углу должна быть комната Лю Цзиня — младшего сына, который едва не утонул.

И тот гул, который он слышал, кажется, доносился именно отсюда.

Значит, то, что он ищет, здесь?!

Сюэ Сянь встрепенулся, резко сел и затаил дыхание, вслушиваясь в тишину, но не услышал ничего, кроме ветра — никакого гудения.

Он смахнул с камня клочок мха, брезгливо скривился и прижался ухом к земле. Наконец он уловил слабые звуки. Странно, но они то приближались, то удалялись, не имея четкого источника.

К тому же, звук был таким тонким и призрачным, что стоило отвлечься хоть на миг — и он пропадал. Эта игра в прятки начала раздражать Сюэ Сянь. Гнев закипел в нем, и ему захотелось разворотить всю землю, чтобы добраться до источника звука.

Увы, в своем нынешнем бумажном теле он не мог даже пошевелиться.

Как раз в момент, когда его раздражение достигло пика, в ажурное окно у стены залетел порыв ветра. Зимний ветер, даже самый слабый, обладал хоть какой-то силой. Сюэ Сянь, мастерски умевший пользоваться восточным ветром, не упустил случая: он мгновенно расправил свой бумажный стан, подхватив поток.

В мгновение ока он взмыл в воздух.

Сюэ Сянь ухватился за усик лианы и в два счета вскарабкался на раскидистое дерево.

Ствол дерева был ровным, и, кроме ветки, свисавшей над стеной, на нем почти не было других побегов, так что это был предел его полета.

Бумажное тело было легким, на ветке оно могло легко улететь, да и обзор был не самый лучший.

Поэтому Сюэ Сянь совершил свой фирменный трюк: в потоке ветра он мгновенно обрел человеческий облик. Одной рукой держась за ствол, другой — за узловатую ветвь, он уверенно уселся на гребне стены.

В лучах света его черты лица стали еще отчетливее и красивее, черные глаза блестели, как две ледяные омуты, а в глубине их, под тонкой дымкой, сквозила резкая и своенравная натура.

Первым делом он посмотрел за стену.

Осмотревшись, Сюэ Сянь с каменным лицом перевел взгляд внутрь двора, потом снова наружу.

После нескольких таких попыток на его лице наконец появилась трещина — он стал похож на холодный фарфор, покрывшийся сетью разломов.

— ...

Мать твою, почему вид внутри и снаружи стены абсолютно одинаков?!

Сюэ Сянь понял, что дело принимает скверный оборот.

Если он не ошибается, он попал в призрачную ловушку — «призрачную стену».

Впервые в жизни кто-то осмелился наложить на него такое заклятье.

Но эта штука не могла появиться из ниоткуда — должна быть причина. Сюэ Сянь вспомнил события последних минут и единственное, что пришло на ум, — это «формация Забора воды и впадения в море», о которой упоминал лысый Сюань Минь.

Неужели эта формация фэн-шуй была чем-то нарушена, взбесилась и затащила их всех внутрь?

И значит ли эта тишина в особняке, что они все под влиянием ловушки, или он действительно остался один?

С гребня стены обзор был лучше, чем с плит, но ненамного. Весь особняк был испещрен высокими противопожарными стенами, скрывавшими большую часть территории. Сюэ Сянь видел лишь белые стены, серую черепицу, плиты и узкие калитки, в которые неизвестно, можно ли пройти.

Он уставился на калитки, расположенные по всем сторонам света, еще раз окинул взглядом стены и начал строить догадки.

В таком замкнутом пространстве, чтобы выбраться из призрачной ловушки, нужно следовать правилам Восьми Врат.

Врата Открытия, Врата Жизни, Врата Смерти и прочие — каждый влекут за собой перемены. Ошибешься — в лучшем случае не выберешься, в худшем — погибнешь или будешь ранен.

Особняк был построен по принципу вложенных квадратов, и Восьми Врат здесь тоже были слоями — разобраться в этом стоило немалых сил.

Сюэ Сянь отличался от обычных людей, и подобные мелочи никогда его не интересовали. В первой половине его жизни эти знания не имели большого значения. Он и представить не мог, что однажды, будучи в беспомощном состоянии, угодит в такую ловушку.

Поэтому, заставь его сейчас размышлять, где Врата Жизни, а где Смерти — легче было бы сразу нанести ему пару ударов мечом.

— Тащиться на двух сломанных ногах и искать людей? — Сюэ Сянь фыркнул, подумав: «Как же я сам себя ненавижу».

Он привык к гордости и ни за что не стал бы унижаться, если бы не крайний случай. А если уж совсем прижмет... тогда пусть лучше просто прибьют.

В этом проклятом особняке даже ветра было мало, ему не на что было опереться. Даже если он поймет, куда идти, как он это сделает? Ползком?

От одной этой мысли у Сюэ Сяня разболелись зубы.

Мечтайте дальше, пусть ползает кто хочет, только не он!

Прислонившись спиной к стволу дерева, Сюэ Сянь покусал кончик языка, размышляя, а затем сунул руку в тайный карман одежды и вытащил желтый листок бумаги.

Бумага была помятой и складчатой — ясно, что с тех пор, как она попала к Сюэ Сяню, ей не приходилось легко. Сюэ Сянь брезгливо зажал край двумя пальцами и немного встряхнул. На бумаге красовались каракули, которые не разберет даже собственная мать.

Впрочем, Сюэ Сянь их узнал.

Он выманил этот талисман у одного гадателя-даоса, когда проезжал через Раочжоу.

У того даоса были кривые усы, потрепанная шапочка и синяк под глазом — то ли родимое пятно, то ли след от побоев. Он целыми днями околачивался у моста, подрабатывая гаданием и продавая самодельные амулеты. Станный был тип: раз уж взялся продавать талисманы, научился бы хотя бы писать прилично. Но нет, старик рисовал каракули и ничуть этого не стыдился.

Сюэ Сянь несколько дней ошивался у его лавки, приглядываясь к амулетам: большинство из них годились лишь на украшение, и лишь немногие, с плавными линиями, имели хоть какую-то ценность.

И то — самую малую.

Один талисман «от нечисти» в реальности мог лишь отогнать муравьев, другой «для долголетия» — разве что облегчить легкую простуду.

Талисман в руках Сюэ Сяня был одним из тех, что он видел своими глазами, когда даос их рисовал.

— Повелением Южного Лун-цзюня, облаков и грома, здесь я утверждаю свою власть, — Сюэ Сянь прищурился и лениво прочел надпись на талисмане. Иероглифы были так перекручены, что напоминали дождевых червей, но он удивительным образом их вспомнил.

Судя по содержанию, это был талисман призыва грома — непонятно, зачем даосу понадобилось упражняться в подобном.

Впрочем, сам по себе этот мятый клочок не смог бы призвать настоящего Южного Лун-цзюня — максимум, на что его бы хватило, это созвать пару клочьев облаков, чтобы прикрыть солнце. Но если такой талисман попадал в руки Сюэ Сяня, все менялось.

Потому что «Южный Лун-цзюнь», упомянутый в талисмане, по иронии судьбы — это сам Сюэ Сянь.

Пусть сейчас в своем бумажном теле он не мог совершить нечто грандиозное, но использовать талисман как посредник стоило попробовать.

Он достал из кармана крошечный фарфоровый пузырек, вытащил пробку, и в воздухе разлился странный, холодный, пряный запах крови.

Сюэ Сянь поморщился: даже запах собственной крови не казался ему приятным.

Он разложил талисман на ладони и капнул на него темно-красную каплю — кровь мгновенно впиталась в желтую бумагу.

Спрятав пузырек, Сюэ Сянь небрежно бросил талисман вперед.

Как только бумага покинула его руку, в центре кровавого пятна вспыхнуло пламя, и амулет сгорел дотла.

Внезапно поднялся штормовой ветер, и с горизонта нахлынули облачные валы.

Небо моментально почернело, словно его залили густой тушью. Ослепительные молнии, словно паутина, раскололи небосвод, и удар грома прогремел так близко, будто взорвался прямо у уха.

Неизвестно, ударила ли эта небесная молния по границе формации или задела ее суть, но раздался гул, подобный расколу горы, и с потоками электричества удар обрушился вниз.

Сюэ Сянь, сидевший на ветке, даже глазом не моргнул, когда молния ударила в землю прямо перед его ногами, превратив толстую каменную плиту в пыль.

Весь особняк содрогался долгое время, прежде чем постепенно затихнуть.

Сюэ Сянь поднял веки и посмотрел вверх, на его лице отразилось сожаление: с помощью этого талисмана он мог ударить только раз.

Но потрясший небеса гром все же принес пользу: он пробил в формации узкую брешь. В тихом, словно застывшем особняке внезапно появился просвет, сквозь который донеслись звуки, быстро заполнившие пространство.

Значит, он все-таки был здесь не один.

Остальные, скорее всего, тоже попали в ловушку, просто каждый сидел в своем углу, не зная об остальных.

Сюэ Сянь сорвал с лианы усик и, прислонившись к стволу, принялся лениво наматывать его на палец. Он закрыл глаза, вслушиваясь в звуки, доносящиеся из бреши, пытаясь выделить среди общего хаоса что-то особенное.

Спустя некоторое время он действительно уловил кое-что...

Звон колокольчиков?

— Нет, не то... — Сюэ Сянь щелкнул языком и нахмурился.

Звук был приглушен воем ветра, будто доносился издалека или был растянут из-за узкой трещины.

Похоже на звук медных колокольчиков, подвешенных к повозке, но с едва уловимой разницей.

Колокольчики...

Медные монеты?

Стоило об этом подумать, как звук стал отчетливее — действительно, это был стук медных монет друг о друга.

— ... — Сюэ Сянь с каменным лицом открыл глаза, а затем сжал руку, отчего усик лианы с сухим треском переломился пополам.

Казалось, в одно мгновение стук монет стал совсем близким.

Сюэ Сянь прислушался — казалось, звук доносился из-за стены.

Одна из калиток в галерее внезапно скрипнула, и Сюэ Сянь, терзавший лиану, поднял взгляд.

Молодой монах, закутанный в белые льняные одежды, бесшумно шел к стене.

В такую стужу ходить в тонком льняном халате — от одного взгляда становилось холодно, казалось, будто вокруг него витает морозный воздух. И только когда Сюань Минь остановился у стены и повесил связку медных монет обратно на пояс, Сюэ Сянь внезапно осознал: этот лысый всегда ходит без звука.

Значит... звук монет был вызван им намеренно?

Сюань Минь стоял у стены, его спокойный взгляд скользнул по Сюэ Сяню.

Человек, сидевший на стене, обладал великолепной внешностью — словно меч, вложенный в ножны. Вот только выглядел он слишком худощавым, а черные одежды делали его еще бледнее, придавая болезненный вид, который, в сочетании с явной остротой его натуры, создавал странный, таинственный контраст.

Когда Сюэ Сянь сохранял невозмутимость, он казался удивительно сдержанным.

В таком виде он встретился взглядом с Сюань Минем, а затем, не выдержав, закатил глаза к небу и произнес: — Почему это ты...

Сказав это, он с досадой скомкал в руке обрывки лианы.

Человек этот был непоседлив: даже сидя на стене, он не мог успокоиться. Бросив на Сюань Миня нехотя еще пару взглядов, он швырнул в него комок из лианы.

Сюань Минь покачал головой и поймал прилетевший «тайный снаряд».

Он был молчалив, и на лице его, как обычно, не было ни единой эмоции, но его раскрытая ладонь выражала все предельно ясно: столь наглый тип был единственным в своем роде, и его можно было узнать даже в виде горстки пепла.

Сюэ Сянь: — ...

Сюань Минь бросил лиану к корням дерева и снова посмотрел на Сюэ Сяня: — Ты так и не сказал, что произошло с небесным громом.

Сюэ Сянь приподнял бровь: — Ты даже не спросишь, кто я?

Когда лысый подобрал его, он был лишь мхом, потом стал тонкой бумагой — ни разу он не предстал в нормальном облике.

Сюань Минь раскрыл перед ним ладонь, в которой по-прежнему лежал комок из лианы — доказательство наглости Сюэ Сяня.

Он был неразговорчив, но эта ладонь ясно давала понять: такому нигилисту, как ты, не нужно представляться.

Сюэ Сянь: — ...

Сюань Минь выбросил лиану под дерево и снова напомнил ему: — Ты еще не ответил насчет грома.

Сюэ Сянь ответил «о», добавив: — Ничего особенного, просто хотел дать знать остальным, что я здесь, чтобы меня было легче найти.

Сюань Минь: — ...

Гром был такой силы, что, казалось, вот-вот превратит весь особняк семьи Лю в пыль.

И все ради того, чтобы просто «пискнуть» и обозначить свое присутствие?

У этого лысого, который привык сохранять ледяное выражение лица, впервые дрогнули уголки губ.

Сюэ Сяня позабавил его взгляд, он расслабился и с насмешкой спросил: — Эй? Ты что, на звук грома пришел? Значит, я не зря его вызвал. Хорошо, что ты пришел быстро, я как раз думал, не ударить ли еще раз.

Сюань Минь молча смотрел на него некоторое время, а затем холодно ответил: — Тогда и искать направление Восьми Врат не понадобилось бы, превратились бы в горстку пепла, зато сэкономили бы на гробах.

— Как может монах поминать суетные деньги, ты, лысый... — Сюэ Сянь отвел взгляд, проглотив слово «осел», и серьезно добавил: — Не боишься осквернить Будду?

Сюань Минь: — ...

У этого грешника, который осмелился призвать молнию на небеса, еще хватает наглости говорить такие вещи.

— Ты только что сказал про Восьми Врат, нашел их? — спросил Сюэ Сянь. — Если нашел, тогда прости, заведи меня с собой.

<http://bllate.org/book/21932/2278722>